

СЕ АЗЬ ...

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЧАЛЬНОЙ
ФОРМУЛЫ ДРЕВНЕРУССКИХ ГРАМОТ*

Б.А. Успенскому к пятидесятилетию

Как известно, язык древнерусских грамот, отразивший живую восточнославянскую речь, проявляет большое разнообразие по отдельным областям восточнославянской языковой территории (ср. Соболевский 1980, 39). В то же самое время документы, написанные в самых разных областях Древней Руси, обнаруживают поразительное сходство в формуляре, что позволяет возвести их к общей традиции составления деловых документов, установившейся, по-видимому, еще в киевский период. Это в первую очередь – характерный зачин древнерусских грамот: се азъ (позднее также ѿ азъ, ѿ), а се азъ (ѿ азъ, ѿ) с предшествующей инвокацией (въ имя шца и сна и стго аха) или без нее. Эта формула вместе с часто встречаемой в ранних документах формулой санкции (ср., напр., в Мстиславовой грамоте ок. 1130 г.: даже кто запъотитъ [...] тоу дань [...], да соудитъ ꙗмоу бгъ въ днь пришьстви ѿа сво ꙗго), несомненно, церковнославянская. Зачин се азъ (с вариантами) в XII–XIV вв. характеризует жалованные и духовные грамоты, и, реже, также другие виды документов, из самых разных областей Древней Руси. Мы его находим в Киеве (Мстиславова грамота ок. 1130 г., Обнорский, Бархударов 1952, 33), в Новгороде (берестяные грамоты № 450, XII в., Арциховский, Янин 1978, 51, № 138, XIII в.; Арциховский, Борковский 1958, 11, и др.; Договорная грамота Александра Ярославовича Невского и новгородцев с немцами 1262–1263 г.; Обнорский, Бархударов 1952, 51; Духовная новгородца Климента до 1270 г., там же, 55), на Волыни (грамоты Владимира Васильковича 1287 г. и Мстислава Даниловича 1289 г., включенные в Галицко-Волынскую летопись, ПСРЛ II, 903–904 и 932) и в Москве (Духовная Ивана Калиты 1327–1328 гг., Обнорский, Бархударов 1952, 89), в Смоленске (Грамота князя Федора Ростиславовича 1284 г., Смол. гр. 62, Подтвердительная грамота князя Ивана Александровича 1-й половины XIV в., там же, 69) и в Полоцке (Вкладная грамота князя Онофрия 1399 г., Хрэст. I, 52).

Происхождение начальной формулы древнерусских грамот не выяснено, хотя изучение элементов формуляра как самых устойчивых

элементов языка грамот могло бы пролить свет на начальный этап становления канцелярского дела в Киевской Руси.

Наблюдаемую с XII в. языковую практику при составлении документов – основной текст пишется на древнерусском языке, а элементы формуляра на церковнославянском – можно было бы интерпретировать как отражение более позднего этапа развития, которому предшествовал период, когда языком княжеской канцелярии был церковнославянский, как это для X в. предполагал Л.П. Якубинский (1953, 89), а церковнославянский язык был вытеснен из языка грамот (при сохранении традиционных формул) в связи с возникновением церковнославяно-русской диглоссии после официального крещения Руси в 988 году, когда церковнославянский язык начал связываться исключительно с христианской культурой (ср. Успенский 1983, 12). Однако нет достаточного материала для предположения о существовании княжеской канцелярской традиции в области внутреннего управления в X в.; договоры с греками, сохранившиеся в составе Повести временных лет, свидетельствуют лишь о наличии письменной традиции в области дипломатических сношений. Языком переговоров с греками мог быть и греческий. По наблюдениям С. Микуцкого (Mikucki 1953, 19), те части текстов договоров с греками, в которых можно видеть отражение позиции русских послов, сформулированной ими самими, т.е. в которых излагается точка зрения русской стороны, обнаруживают формулы, не характерные для византийской царской канцелярии, но имеющие параллели в греческих частных актах своего времени. На распространение знания греческого языка в окружении киевских князей в X в. указывает описанный Константином Багрянородным факт, что в сопровождении Ольги приехали в Константинополь из Руси три переводчика (там же, 22).

Характерный зачин и повествование от первого лица единственного числа древнерусских грамот не имеет аналогий ни с византийскими царскими грамотами, в которых употреблялась конструкция *ἡ βασιλεία μου*, ни с находящимися в прямой зависимости от них южнославянскими грамотами, в которых калькировалась эта греческая конструкция при помощи выражений типа *Господство ми*, *кралѣвство ми*, *царство ми*, ни с западноевропейскими грамотами на латинском языке, в которых употреблялось множественное величия (*pluralis maiestaticus*). В свое время Н.Н. Дурново (1927/1969, 94–95) было высказано предположение о том, что “для русских княжеских канцелярий домонгольской эпохи образцом мог быть язык болгарских царских канцелярий, и они переняли оттуда формулу начала княжеских грамот ‘Се азъ’ с болгарскими

личными местоимениями 1 sg.” Однако это предположение, повторенное позже также И.С. Улухановым (1972, 98), остается недоказуемой гипотезой, поскольку болгарских грамот с такой формулой не сохранилось; более того, из эпохи первого болгарского царства вообще не сохранилось никаких болгарских грамот, а в грамотах болгарских царей второго болгарского царства эта формула не встречается – в них господствует конструкция *царство ми* с повествованием от третьего лица единственного числа; ср. уже в хронологически первой сохранившейся грамоте эпохи второго болгарского царства: † *Ава цаѣми* (Грамота царя Иоанна Асеня Дубровницкой общине после 1230 г., Ильинский 1911, № 1, 13). Аналогичная конструкция характеризует и большинство грамот сербских государей XII–XIII вв.: *Милость створи господство ми* (1195–1228 г., Miklosich 1858, № XIX, 16), *Пише кралевство ми* (1222–1228 г., там же, №№ XX–XXI, 16–17) и др.

Наряду с этой конструкцией, калькированной с указанной греческой конструкции византийских царских грамот, в южнославянской традиции прослеживается и другая формула, более близкая к характерному зачину древнерусских грамот, представленная весьма древними памятниками. Сюда относятся, в первую очередь, древнеболгарская надпись царя Самуила 993 г.: † *въ имя штьца и сына и стаго доуѣа азъ самоил равъ ѡж[и]* (Иванов 1931, 24–25) и древнесербская грамота бана Кулина 1189 г.: *У име шца и сына и светаго доуѣа. Ъ вань восьньски Кѡлинь присезаю тебѣ, кнеже Крѡвашѡ* (Miklosich 1858, № IV, 1). О продолжении этой традиции в Болгарии свидетельствует лишь еще одна надпись конца XII – начала XIII в.: † *азъ Врана доуѣа великъ сътвори [хъ]* (Керчевская надпись 1197–1207 г., Иванов 1931, 30), но, как было отмечено выше, этот зачин не получил распространения в дипломатике эпохи второго болгарского царства; однако цитированные эпиграфические памятники указывают на то, что грамоты с таким зачином могли существовать уже в эпоху первого болгарского царства. В древнесербской дипломатике данный формуляр представлен несколькими примерами XIII в.: † *Въ име шца и сына и светаго дѡѣа аминь. азъ Николавъ Тонисъто, кнезь дѡбровьуьки* (1238 г., Miklosich 1858, № XXVI, 21), † *Въ име штьца и сына и светаго дѡѣа. азъ Жани даньдоль, кнезь дѡбровьуьски* (1234–1240 г., там же, № XXVIII, 22), † *Въ име штьца и сына и светаго дѡѣа. ѡ кнезь вели хльмьскы аньдрѣи* (1234–1240 г., там же, № XXIX, 24), *Оу име оца и сына*

и светаго дѣха дминь. азъ рабъ божи Матѣи а
оамѣломъ Нинославъ, бань босньски велики (1234–
1240 г., там же, № XXX, 24) или (без инвокации): † ѣ Стефанъ
Владиславъ, с помокию божиовъ краль всѣхъ
рашкихъ земель (1234–1240 г., там же, № XXXI, 25). При всем
сходстве этой формулы начала южнославянских надписей и грамот с
устойчивым зачином древнерусских грамот, бросается в глаза
одно небольшое, но последовательное различие между ними – полное
отсутствие в южнославянском материале указательной частицы сѣ,
столь характерной для древнерусских грамот. Это обстоятельство
наводит нас на мысль о том, что данная формула как у русских, так
и у южных славян восходит к общему источнику, но параллельно, т.
е. зачин древнерусских и южнославянских грамот этого типа кальки-
рует тот же самый образец назависимо друг от друга.

Поразительное сходство с формуляром древнерусских и указанной
группы южнославянских грамот обнаруживает единственная гре-
ческая грамота венгерского короля Стефана I (997–1038), датируемая
1002 г., которая сохранилась в списке 1109 г.: *Ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ*
τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἀγίου πνεύματος. Ἐντέλλομαι ἐγὼ Στέφανος Χριστιανὸς ὁ
καὶ κράλης πάσης Οὐγγρίας (Moravcsik 1984, 80; ср. еще Czebe 1916,
15–16, фотокопию см. Molnár, Simon 1977, 10–12). Как установлено
венгерскими византинистами и историками (Czebe 1916; Darkó 1917;
Hóman 1917; Moravcsik 1938; подробную библиографию см. Moravcsik
1984, 79–80), этот формуляр не имеет ничего общего с византийско-
царской канцелярией, но вполне обычен в Византии в сфере влияния
византийской культуры в грамотах частных лиц (Moravcsik 1938,
411). Таких грамот сохранилось относительно немного (ср. Dölger
1956, 340), но они достаточно убедительно свидетельствуют о том,
что данный формуляр, представленный упомянутой грамотой Сте-
фана I и указанной группой южнославянских документов и ставший
повсеместным в Древней Руси, восходит к византийскому частному
акту (аналогичные греческие грамоты см., напр., Miklosich, Müller
VI/3, № 53, XII в., 149; IV/1, № 39, 1274 г., 95, № 40, XIII в., 97, № 4,
1281 г., 98, № 139, XIII в., 225, № 170, XIII в., 266 и др.; Dölger 1948,
№ 110, 1286 г., с. 229). В языковом отношении характерно, что
грамоты частных лиц писались в основном на народном греческом
языке с сохранением некоторых книжных оборотов в устойчивых
элементах формуляра. Языковое оформление древнерусских грамот
полностью соответствует оформлению византийских частных актов,
при этом в древнерусских документах элементы формуляра приобре-
тают церковнославянскую форму в соответствии с книжными элемен-

тами формуляра византийских частных актов. Таким образом, появление народного древнерусского языка в грамотах находится в прямой зависимости от языковой ситуации в Византии, т.е. языковая ситуация в Киевской Руси и в этом отношении калькирует византийскую диглоссию (ср. Issatschenko 1980, 78–80).

Возведение формуляра древнерусских грамот к византийской частной грамоте делает излишним упомянутое непроверяемое предположение о заимствовании начальной формулы из древнеболгарской канцелярской практики, так как церковнославянские элементы в формуляр древнерусских грамот могли проникнуть уже на территории Руси в результате осознания функционального параллелизма церковнославянского и греческого (книжного) языков (ср. Успенский 1983, 16–23). Форма личного местоимения азъ не может служить доказательством заимствования формулы се азъ из языка болгарских грамот по двум причинам: с одной стороны, нам неизвестны древние южнославянские документы с указательной частицей се, с другой стороны, форма личного местоимения азъ была достаточно распространена в русском церковнославянском языке XI в. Форма азъ употреблялась не только в канонических текстах, но и в записях русских писцов, ср., напр., в приписке дьякона Григория к Остромировому евангелию 1056–1057 гг.: азъ Григорин дѣако (н) (Обнорский, Бархударов 1952, 15), в приписках к Новгородским служебным минеям 1095–1097 гг.: азъ грѣшныи рабъ бжии недостонныи дѣмъка [...] азъ бо есмь грѣшнъ невѣжа (там же, 30), в записях Мстиславова евангелия конца XI – начала XII в.: азъ бо грѣшныи рабъ алекса [...], азъ рабъ бжии (Мст. ев. л. 213 а, 289), азъ же хѣдыи наславъ (там же, л. 213 б). (В тексте самого евангелия – правда, только в единственном случае – засвидетельствована и русская форма на : на и згоноу бѣсы – л. 83 а, 123, ср. Дурново 1924, 257). Сочетание се азъ часто встречается в евангельских текстах как перевод греч. *ἰδοὺ ἐγώ*, в том числе и некоторых очень часто цитируемых, как напр., Мт. XXVIII, 20: и се азъ съ вами есмь въ всѣ дни. до скончаниа вѣкоу (Мст. ев. л. 163 в, 219). Таким образом, устойчивая формула начала древнерусских грамот се азъ вполне могла быть создана и без болгарского канцелярского посредства как русско-церковнославянский эквивалент соответствующей греческой формулы.

Некоторые обстоятельства указывают на то, что той языковой практике, которую мы можем проследить в древнерусских грамотах с XII в., предшествовал период, когда в качестве актового языка на

Руси пользовались и греческим языком. На такое положение вещей указывает тот факт, что почти на всех сохранившихся княжеских и митрополичьих печатях XI в. мы находим греческую надпись (см. Янин 1970, I, 14–59, ср. также греческую надпись на княжеской печати еще и в начале XII в., Soloviev 1961). Греческая надпись на печатях митрополитов, почти исключительно греков по происхождению, не вызывает удивления, но такая же практика на княжеских печатях позволяет предположить, что греческий язык был использован и в светском, государственном делопроизводстве. Если принять, что древнерусский деловой язык к XII в. исторически заменил греческий, с которым он в XI в. еще сосуществовал, то становится понятным наличие греческих калек внутри текста (вне устойчивых элементов формуляра), отмеченное А. В. Исаченко (Isačenko 1970; Issatschenko 1980, 115–118) в Мстиславовой грамоте ок. 1130 г. и В. М. Живовым (в печати) в Уставе Ярослава. Как установил А. С. Львов (1966), сам термин *грамота* был заимствован древнерусским языком изустно прямо из греческого, минуя вообще древнеболгарское посредство.

Приведенные факты и соображения убеждают нас в правоте взгляда, высказанного, насколько нам известно, впервые почти сто лет назад ‘угрорусским’ историком А. Годинкой (Hodinka 1891, 17), согласно которому книжная культура Древней Руси восходит к византийской христианской культуре через южнославянское посредство, но образцы грамот были получены русскими прямо от греков.

ДОПОЛНЕНИЕ

После того как настоящая статья была сдана в печать, проф. Клаус-Дитер Зеeman (Берлин) любезно прислал мне свою работу 1985 г., в которой им – на основе несколько иной аргументации – была высказана сходная с моей точка зрения по вопросу о происхождении церковнославянских по языку формул древнерусских грамот, в том числе и начальной формулы *се азъ* ..., см.: Зеeman, К.Д.: ‘Диглосията и смесените текстове в Киевска Русия’, *Palaeobulgarica* IX/3 (София, 1985), 8–9. Думается, что это случайное совпадение также говорит об актуальности пересмотра традиционного взгляда на данный вопрос. Вероятность заимствования этой формулы из практики болгарской царской канцелярии была поставлена под вопрос также в моей статье 1983 г., см.: Золтан, А.: ‘К предыстории русск. “государь”’, *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* XXIX (Budapest 1983), 77, примеч. 28.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Настоящая статья представляет собой несколько переработанный отрывок из нашей кандидатской диссертации (ср. Золтан 1984, 6–8), выполненной под научным руководством профессора Б. А. Успенского. Преподнося свой скромный труд Юбиляру, автор хотел бы выразить ему свою искреннюю благодарность за ценные советы и всестороннюю помощь в ходе работы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арциховский, А.В. и В.И. Борковский: 1958, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956 г.)*, Москва.
- Арциховский, А.В. и В.Л. Янин: 1978, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.)*, Москва.
- Hodinka, A.: 1891, *A szerb történet forrásai és első kora*, Budapest.
- Darkó, J.: 1917, 'A veszprémi apácamonostor alapítólevelének 1109.-i másolatáról', *Egyetemes Philologiai Közlöny* 41, 257–272, 336–351.
- Dölger, F.: 1948, *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges*, München.
- Dölger, F.: 1956, *Byzantinische Diplomatie*, Ettal.
- Дурново, Н.Н.: 1924, *Очерк истории русского языка*, Москва – Ленинград.
- Дурново, Н.Н.: 1927/1969, *Введение в историю русского языка*, 2-е изд., Москва 1969 (1-е изд.: Брно, 1927).
- Живов, В.М.: в печати, *История русского права как лингво-семиотическая проблема*, Москва.
- Золтан, А.: 1984, *Западнорусско-великорусские языковые контакты в области лексики в XV в. (К вопросу о западной традиции в деловой письменности Московской Руси)*, Автореферат канд. дисс., Москва.
- Иванов, Й.: 1931, *Български старини из Македония*, Второ, допълнено изд., София.
- Ильинский, Г.А.: 1911, *Грамоты болгарских царей*, Москва (= *Древности, Труды Славянской комиссии имп. Московского Археологического общества*, т. V).
- Isačenko, A. V.: 1970, 'Die Gräzismen des Großfürsten', *Zeitschrift für Slavische Philologie* 35, 32–52.
- Issatschenko, A.: 1980, *Geschichte der russischen Sprache, 1. Band. Von den Anfängen bis zum Ende des 17. Jahrhunderts*, Heidelberg.
- Львов, А.С.: 1966, 'К истории слова *грамота* в древнерусской письменности', *Исследования источников по истории русского языка и письменности*, Москва, 88–103.
- Miklosich, Fr. (ed.): 1858, *Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii, Vindobonae*.
- Miklosich, Fr. et Ios. Müller (eds.), IV/1–VI/3 *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana, Vol. IV–VI. Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum Orientis, t. 1–3*, Vindobonae, 1871–1890.
- Mikucki, S.: 1953, 'Etudes sur la diplomatie russe la plus ancienne I., Les traités byzantino-russes du X-e siècle', *Bulletin de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres, Classe de Philologie – Classe d'Histoire et de Philosophie, Supplement* 7, 1–40.
- Molnár, J., Gy. Simon: 1977, *Magyar nyelvelmékek, 2. kiad.*, Budapest.
- Moravcsik, Gy.: 1938, 'Görögnyelvű monostorok Szent István korában', *Emlékkönyv Szent István király halálának kilenczázadik évfordulóján, 1*, Budapest, 387–422.
- Moravcsik, Gy. (ed.): 1984, *Az Árpád-kori történet bizánci forrásai – Fontes Byzantini historiae Hungaricae aeo ducum et regum ex stirpe Árpád descenduntium. Összegyűjtötte, fordította, bevezetéssel és jegyzetekkel ellátta Moravcsik Gyula*, Budapest.
- Мст. ев., *Апракос Мстислава Великого*. Издание подготовили Л.П. Жуковская, Л.А. Владимировна, Н.П. Панкратова. Под ред. Л.П. Жуковской, Москва, 1983.
- Обнорский, С.П. и С.Г. Бархударов: 1952, *Хрестоматия по истории русского языка, ч. I*, 2-е изд. Москва, 1952.
- ПСРЛ II, *Полное собрание русских летописей, т. II. Ипатьевская летопись*, Москва, 1962.

- Смол. гр., *Смоленские грамоты XIII–XIV веков*, Подготовили к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин. Под ред. Р.И. Аванесова, Москва, 1963.
- Соболевский, А.И.: 1980, *История русского литературного языка*. Издание подготовил А.А. Алексеев. Ленинград.
- Soloviev, A.V.: 1961, 'ΑΡΧΩΝ ΡΩΣΙΑΣ', *Byzantion* 31, 237–244.
- Улуханов, И.С.: 1972, *О языке древней Руси*, Москва.
- Успенский, Б.А.: 1983, *Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка*, Москва.
- Hóman, V.: 1917, 'Szent István görög oklevele', *Századok* 51, 99–136, 225–242.
- Хрэт. I, *Хрэстаматыя на гістарыі беларускай мовы, ч. I*. Рэд. Р.І. Аванесаў, Мінск, 1961.
- Czebe, Gy.: 1916, *A veszprémi ölgyi oklevél görög szövege, Budapest* (= *Értekezések a történeti tudományok köréből* 24/3).
- Якубинский, Л.П.: 1953, *История древнерусского языка*, Москва.
- Янин, В.Л. I–II, *Актовые печати древней Руси, т. I–II*, Москва, 1970.

Budapest